

Владимир Каткевич

Фауст

Рассказ

1.

По «голосу» передали, в Монтего-Бее с НИСа «Рахманинов» убежал лаборант. Попросил политического убежища. Или жвачки. От Мартиники, где стоял «Борей», до Монтего-Бея на Ямайке два суточных перехода – все в пределах архипелага, даже не за околицей околотка.

– Будет в рыгаловках посуду мыть, – отреагировал второй механик «Борея» Бурмила. Как учили.

Машина особенно не заморачивалась: убежал и убежал. Правда, спросили:

– А что такое НИС?

– Научно-исследовательско-разведывательное судно, – расшифровал третий электромеханик Николайчик.

Через трое суток у них самих на «Борее» пропал рефмашинист Фауст Де-Рибас. Из разбоготившейся династии адмирала Хосе Де-Рибаса. На вахту потомок не вышел.

– Фаустпатрон перехезал, что намылят фэйс, – предположил сменщик Матюк.

За неряшливо сданную вахту. На пароходе не станут кого-то обрабатывать, у всех забот выше марсовой площадки. Но салагу в каюте не нашли.

Юноша с необычным именем Фауст окончил семнадцатое училище и к технике относился нельзя сказать наплевательски, снисходительно. Несмотря на зелень, к другим придирался без скидки на возраст и заслуги, самооценка у салаги была явно завышена. Приступами романтики потомок адмирала не страдал,

как, кстати, и однокашники, их штук десять прислали на пароход по распределению.

Рундук Фауста украшала репродукция лошади с влажными грустными глазами. Неживым укором для людей доброй воли. Фауст нацелился в воронежский сельхоз, единственный вуз, где еще не разогнали факультет коневодства. Кстати, к копытным Де-Рибас тоже относился снисходительно, но с дальним прицелом, надеялся сорвать банк на бегах. Матюк пошукал, юркнул в дизельное и сказал:

– Во вспомогаловке оленивод не водится!

– Я Фаустпатрона снял, чтобы пылюку вытирал в главной машине, – буркнул второй механик Бурмейстер унд Вайн. – Хватит груши околачивать!

Самум из Сахары поднял тонны мелкой пыли, циклон перенес ее за тысячи миль и припудрил пароход аж в Бермудском треугольнике (!), надстройка из ослепительно белой стала сдержанно бежевой. В машине две вахты чихали с протестными криками «апчх...й», драили силовую установку. Вахтенный механик Бурмила мобилизовал салагу протирать ветошью все что видит. Если эту работу выполнять подробно, то не хватит и трех месяцев.

– Драить, чтоб все блестело, как абрикосы у того коняги! – обозначил задачу Бурмила, он имел в виду «Медного всадника», которому выпускники морских заведений после защиты дипломных работ якобы дряют литые абрикосы. Глупая традиция устарела, даже девушки не прыскают, и будоражит исключительно маринистов со стажем, отставших от жизни.

Часа через два Бурмейстер унд Вайн пошел проверить результат, но Фауста не обнаружил. Совсем. Бурмила одышечно вскарабкался на верхние решетки, это примерно высота костела на Карла Маркса, добрался до капов, световых люков, и увидел женские варикозные ноги. На променад-дек. Немка поправила прокладку. Чтобы не смущать, Бурмила повернулся к даме сутулой спиной. Пассажирка, однако, успела заметить на лопатках матерого кочегара цветное изображение галеона в полном парусном вооружении. Самое забавное, что наколка делалась в ее родном Гамбурге в сорок шестом, когда одесситы получали по репарации и лотерее (!) немецкий рудовоз «Бохум» («Генерал Черняховский»).

В третьем трюме обосновался немецкий художник-татуировщик. Немец под Сталинградом потерял руку, клиенты трафарет придерживали, работа продвигалась медленно, но живая очередь из коцегаров инвалида не торопила.

Наконец галеон доплыл до ЦПУ, центрального пульта управления, где снятую с крючковых рычагов-захватов трубку держал пожилой моторист Жижя. Жижя передал Бурмиле трубку, как раскаленную головешку.

– Тыщ капитан, нема его в машине! – авторитетно доложил Бурмейстер унд Вайн.

Но даже пропажа человека не смогла нарушить кульминационное мероприятие по определению в полдень долготы. На осточертевшую кульминацию явились, зевая, все свободные от вахт и работ штурманы. Кульминацией на этот раз стал визит на мостик главного механика Мао с котельщиком Бинидюком. Мао нервно вытащил из кармана вечно ремонтируемый будильник, тыкнул отверткой размером со спичку в зубчатое колесико и процедил Бинидюку:

– Пойдешь под суд. Запишем в акте № 1 «*стрыбок за борт*».

То, что стрыбок случился, было очевидно. Мао приказал Бинидюку повторить добровольное признание для товарища капитана. Выяснилось, что накануне событий начинающий мотормен Де-Рибас, заметил, что Бинидюк прихватил из машинного отделения бухту капронового фала.

– Кого на буксир берешь? – исхитрился Фауст.

– Ночью скупаемся, – буркнул Бинидюк. – Жарко... – будто купаться ему обрыдло. Но он привык.

– Как скупаетесь? – опешил Фаустпатрон. – На переходе?

– Одеваешь монтажный пояс, привязываешься до фала и вылазишь в люминатор, – обкатывал салагу Бинидюк. – Глиссируешь на пятках, поза судном, наперегонки с летучими рыбками. Двое травят кончик. Потом сменяются. А в бассейне с мочой пусть квасятся фронцы!

– А мне можно? – Фаустик представил, как выходит на редан, глаза его загорелись. Он был падок до авантюра, как и пращур.

– Не, не можно, скорость восемнадцать узлов, – приосадил Бинидюг. – На траверзе Вирджинских островов сбавим обороты, можно будет попробовать.

– С «Рахманинова» лаборант убежал, – напомнил помполит Тупиков, хотя об этом все знали. – В Кюрасао. Попросил убежища.

– Не в Кюрасао, а Монтего-Бее на Ямайке, – поправил старпом Ложный-Сложный.

– Тем более, – сказал Тупиков.

Почему «тем более»?

А что если Фаустпатрон вдохновился побегом? Может, уже разнюхал, что в Пенсильвании есть факультет коневодства. Напялил лайф-джекет – и прощайте, красотки! Сиганул назло Тупикову. Везде острова понатырканы, можно доплыть. Если экономбрасом. Правда, можно и не доплыть.

В том числе не исключено, Де-Рибаска рассчитывал, что Матюка накажут. Шутка ли – поставить на циркуляцию пароход с пассажирами. Завышенная планка Фауста позволяла надеяться.

Капитан кинулся с Мао в каюту машинистов и увидел капровый фал, протянутый в иллюминатор. Один конец фала привязали двойным шкотовым к трубе углекислотного пожаротушения. Боцман Катеринка выудил свободный конец фала.

– Конец размохлен! – доложил.

Хоть конец и лохматился, пряди торчали на одном уровне, значит, фал не перетерся, не оборвался, а был одним махом обрезан.

Выяснили причину. На стоянке в Бриджтауне котельный машинист Бинидюк заманил к борту местного пирожника (на пироге с балансиrom). Чтоб разжиться у негра пальмовой щетиной. Зачем? Бинидюк, конечно, с причудами, но у него была зыбкая кручина. Бинидюку почему-то снилась не сельская пастораль, а больше сельская чернуха, колхозное убожество, тракторная бригада, культиваторы, уборка гороха... И он решил изменить репертуар, вломить, как говорится, богу морфию по самые абрикосы. А как? Очень запросто, набить экологически чистой волосней наволочку подушки. Чтоб снились южные страны. Или бурлеск. Барбадосец подплыл к борту, и Бинидюк по концу смайнал для ченджа кулек с плавленными сырками «Весела коривка». Островитянин ответно привязал копну колючей трухи. Но копры оказалось с гулькин хрен, да еще она зашибала рыбой. Тогда не пальцем деланный Бинидюк подтянул менялу на три метра к иллюминатору и сообщил: «Ты меня, курва, кинул, теперь моя очередь!». После оглашения

приговора Бинидюк иезуитски, глядя жертве в расширенные зрачки, обрезал кончик. И даже успел плюнуть. Меняла рухнул в пирогу, спустил шорты, демонстрировал гениталии, выразался по-русски, пассажиры снимали дармовой стриптиз на камеры.

Бинидюку, спровоцировавшему к стрыбку Фауста, обещали вернуть уголовное дело.

– Есть такое дево, чтобы сердце пево, – съехидничал Жижа.

Он «эл» не выговаривал.

У Мао все-таки был сумрачный нюх, и он развернул поиски Фауста в машине. По следам...

Когда поднялись к капам, услышали ослабевший голос:

– Я здесь!

К переборке на крепежных скобах были прикручены запасные цилиндры главного двигателя, из втулки торчала тощая нога Фауста. Оказалось, салага решил примерить свою фигуру к цилиндру, такие опыты занимательны в безоблачном возрасте.

– У нас в школе хулиган Литвак надел на «свисток» гайку, – вспомнил Николайчик. – И возбудился. Учитель труда Наум Абрамыч зажал гайку в тиски вместе с органом и распилял ножовкой.

Слушатели морщились, когда представляли, как трудовик ювелирно пилял.

Фауст продел воробьиную фигуру в стальную втулку цилиндра легко, но зеркальная поверхность не позволила выкарабкаться из зеркально полированной трубы высотой с Йети. Салага звал на помощь и, пардон, оправлялся вниз. Из-за басовитого гула дизелей его не услышали, а вот кучка под цилиндрами оказалась маячком. После того как Фаустпатрона выковыряли из втулки, Бурмейстер унд Вайн изрек:

– На хитрую жопу знаешь что есть? Ты кричать должен как оглашенный, голосно. А ты как работаешь, курва, так и кричишь. Тьфу! – он воспринимал потомка адмирала как растение.

О счастливом конце нелепой истории с заблудившимся во втулке цилиндра пацаном со странным именем Фауст пассажирам сообщила Бася Марковна, совладелец парижской туркомпании «Трансконт», чиф-менеджер стаффа. Доложились и по радиосвязи в Одессу. Родственники Де-Рибаса уже бомбили министерство морского флота.

– Bravo, Фауст! – скандировали пассажиры.

На променад-дек аплодировали. Просили не наказывать салагу. Мао обещал дурака не списывать в Дакаре, но для острстки все-таки вручил Фаустпатрону обходной лист. Фауст наябедничал Басе, и Мао в ее присутствии обходняк порвал. Правда, второй экземпляр ушлый Мао запер в сейф и многозначительно заметил:

– Чтобы байстрюк был в пределах *достигаемости*.

Получил «папир счастья» и Бинидюк.

– А меня за что? – спросил Бинидюк, он разыграл Фауста.

– Ты нарушил правила поведения советского моряка за границей! – сказал менторским тоном Мао. – На тебя завернули уголовное дело. Ты, конечно, можешь пойти на сделку со следствием, но покушение на убийство налицо.

Бинидюк в отчаянии пытался искать покровительства у Баси.

– У меня сегодня неуверенное сэрдцэ! – бортонула его Бася. – Я же не ваш старший кочегар! Что вы из-под меня хотите? Ну в самом деле!

У парижанки Баси были одесские корни.

2.

Судно стало в якорной точке на рейде. Пассажиров возили на берег мотоботами. Команды мотоботов мусолили эпизоды выдергивания скитальцев морей из привычной среды обитания.

– У нас Вика Майстренко закинула ведро на кончике, – вспоминал дикость подшкипер Шерстюк. – В ходу. Чтоб набрать воды, ведро ее и утащило...

– Что-то я не слышал, – въедливо уточнял боцман Катеринка. – Где?

– Ты простой, как та раштовка. Как ты мог слышать, если траулер «атлантик-тропик» не одесской, а севастопольской приписки? Подобрали болгары. Через шесть часов...

– Она неживая была?

– Дрейфовала курсом к Борнео. На перевернутом ведре. Ведро, правда, было большим, на двенадцать литров. Болгары передали по УКВ: «Примите девойку».

«Она жива?» – спросили с траулера. «Адыхает в ленкомнате». Штормило, и болгары передали Вику в корзине-клетке. Как попугая. Смайнали грузовой стрелой. Вместе с ведром.

– Ну и что дальше? Списали?

– Почем я знаю? Другары передали на прощание: «Полные семь футов вам и полные 300 грамм!».

– А Дима Троян смайнался за борт на «Нищем»... – включается Жижа. – Помнишь, Николайчик?

Моториста Трояна уволокло в Индийский океан в процессе стирки с кормы сухогруза «Демьян Бедный». Моряки-«шестидесятники» еще не были избалованы барством, стиральную машину заменял тугой бурун за кормой. Робу в ходу бросали на конце за борт, а через сутки вынимали то, что от нее осталось. Троян нанизал на конец, как на кукан, два комбинезона и еще рукава привязал. Конструкция образовала водяной якорь, и на траверзе острова Сокотра кокон выдернул незадачливого моториста.

«Демьян Нищий» лег на обратный курс, и через восемь часов отставшего подобрала. По счастливой бульбометной легенде, от акул Трояна спасали дельфины, хотя ни акул, ни дельфинов у плавголовы никто не видел. После переживаний моторист стирал робу исключительно в тазике.

– Трояндыч, не пора ли гнидник освежить? – заводили утопленника.

Подначки задевали, и Троян злобно протыкал капроновый конец толщиной с дерево пальцем, как свайкой. Он был железным человеком.

* * *

Пассажиры ошиваются на берегу Шарлотты-Амалии, экипажи мотоботов до возвращения фронцев «гуляют» в карты. Тихо, вода в лагуне, как разбитое зеркало, на поверхности какой-то здешний тростник плавает. На тростинках балансируют голенастые птахи, похожие на Басю.

– Вашего Фаустпатро-он-а-а, кажется, нашли-и! – кричат в матюкальник с мотобота № 5, в двух кабельтовых.

- Он живой?
- Не знаю-у! – отвечают с мотобота № 8.
- Где нашли?
- Его не нашли-и-и. А кто он?

Апофеоз. Принц Драже не танцует па-де-де! Кордебалет луз-
гает семечки.

- Кто он-н-н? – донимают. Матюкальник фонит, сиротливо,
но бездушно.

На борту 312 морских душ. Только экипажа. Цифра плаваю-
щая, в прямом и переносном смысле, больных, устойчиво дурных,
беременных, социально и профессионально опасных заменяют
самолетами: в Венесуэле, Барбадосе, Пуэрто-Рико. Или благо-
словляют на советские суда.

У всех вахты, подвахты, ненормированный рабочий день,
учебные тревоги, золушки из пассажирской службы по ночам
стирают вручную фронцам бельишко, бамбинам на молочишко...
Потом ходят, как сонные мухи. Можно на третий месяц рейса об-
наружить в столовой новое лицо. А можно и вообще не заметить.
Прибьется на пароход беглый лаборант с «Рахманинова», хотя это
и размашистый гротеск, но случись такое, его сердешного под-
харчат на дармовщинку, тропического шумрячка из чайника
щедро плеснут... Но этот рогатый вообще не знает, что человек
пропал, растворился в мареве. Сегодня кто-то за борт сыграл,
а завтра он...

А в принципе, принц Драже готов уступить место в мотоботе
и круг. Так что не будем дуть губки!

